

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Петер Нойман

ЧЕРНЫЙ МАРШ

ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА СС

1938–1945

За линией фронта. Мемуары

Петер Нойман

**Черный марш. Воспоминания
офицера СС. 1938-1945**

«Центрполиграф»

Нойман П.

Черный марш. Воспоминания офицера СС. 1938-1945 /
П. Нойман — «Центрполиграф», — (За линией фронта.
Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5063-9

Шокирующий рассказ Петера Ноймана, бывшего офицера СС, – типичный образец истории о том, как молодой человек из скромной немецкой семьи, оболваненный гитлеровской пропагандой, становится убежденным нацистом. С оружием в руках новоиспеченный офицер СС уверенно зашагал по чужой земле с целью восстановить «справедливость» в отношении великого немецкого народа! С чудовищной откровенностью он описывает, как войска СС грабили население, проводили карательные операции, допросы и казни партизан, убийства мирных жителей. Уверенный в своей правоте, Нойман возмущается решимостью «проклятых» русских отвоевать свою землю и их нежеланием служить рейху. А когда Германия проиграла войну, Петер Нойман, так и не осознав преступности своего пути, сожалеет только об одном – что его не убили.

ISBN 978-5-9524-5063-9

© Нойман П.
© Центрполиграф

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Петер Нойман

Черный марш. Воспоминания офицера СС. 1938–1945

Часть первая РАССВЕТ

Глава 1 Я ПРИСЯГАЮ...

Был чудный день, который я никогда не забуду.

Шесть сотен парней 27-го гитлеровского молодежного отряда города Виттенберге собрались в Хафельском лесу и выстроились в каре.

Отделения Клауса Ранке и Георга Бетевски построились по обеим сторонам просеки. Местная группа Людвиг Зомстера, которой предстояло принять присягу, расположилась на ее дальнем конце, откуда начиналась лесная дорога.

Повсюду слышался глухой гул ожидания и нетерпения. Здесь собрались посланцы со всего Бранденбурга. Кажется, даже из Берлина, хотя он находился более чем в сотне километров от Виттенберге.

В сотне метров перед нами стоит высокая трибуна, ощетинившаяся микрофонами и региональными флагами гитлерюгенда. К земле величественно свешивается огромный флаг с черной свастикой в белом круге на красном фоне, покрывая всю переднюю часть подиума.

Мы ждем Ши́ра (прозвище Бальдура фон Ши́раха, рейхсминистра и главы гитлерюгенда) с начала полудня. Он прибывает из Берлина специально для того, чтобы выступить перед нами. Никто не сомневается, что существует прямая связь между появлением представителя фюрера в Хафельском лесу и маршем на Вену, неизбежность которого предрекают все прусские и бранденбургские газеты.

Австрийский канцлер Курт фон Шушниг давно уже вознамерился определить при помощи плебисцита настроения австрийцев в пользу или против Германии. Но позавчера, 11 марта 1938 года, венское правительство получило ультиматум с требованием немедленно отменить этот фарс.

Пока никто не знает, каким будет ответ Шушнига.

Внезапно раздается рев толпы.

Вслед за эскортом мотоциклистов в черных защитных шлемах в конце просеки появляется везущий Ши́ра серый «Опель-капитан» с золотистым флажком. Рейхсминистр, стоя в пассажирском отсеке машины с вытяжным верхом, улыбается и помахивает рукой. Другой рукой он держится за стеклянную перегородку. Ши́р выглядит удивительно молодым и лучезарным.

Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви высоких сосен, играют некоторое время на полированной поверхности автомобиля, который замедляет ход и останавливается рядом с трибуной.

Фон Ши́рах проворно выходит из «Опеля», проходит несколько метров, быстро взбирается по деревянным ступенькам, поправляет один из микрофонов и поворачивается к нам лицом.

– Хайль Гитлер! Друзья, у меня для вас важные новости. Отныне Третий рейх приобретает семь новых провинций.

Буря аплодисментов встречает слова Шира, который заставляет ее умолкнуть взмахом руки.

– Вчера, 12 марта, Форарльберг, Тироль, Зальцбург и восточные территории вернулись в лоно великой Германской конфедерации! Зейс-Инкварт, рейхсминистр, занял место бывшего австрийского канцлера.

Сомкнутые ряды толпы вновь поражаются продолжительной овацией.

– Друзья, – продолжает Шир, вновь выставляя обе руки для сдерживания аплодисментов, – не будем забывать, что эта победа выбивает первое звено цепи – цепи, выкованной диктатором Версальского договора и призванной поработить нас!

Буря ликования приветствует эти слова.

Энтузиазм толпы бьет через край. Я чувствую необыкновенное возбуждение. Речь Шира туманит голову. Пальцы непроизвольно сжимают новый кинжал, только что выданный мне. Они лихорадочно ощупывают надпись готическим шрифтом, выгравированную на рукоятке: *Treue bis auf dem Tod* («Преданный до смерти»). Лезвие острое как бритва, но в данный момент я мог бы без колебаний обхватить его ладонью. Тогда бы первая капля крови, обогрившая чистую сталь, была бы моей собственной кровью.

Бальдур фон Ширах продолжает говорить. В адресованной нам продолжительной речи он затрагивает расовую проблему, и прежде всего в вопросах, касающихся немцев.

– Все вы, – говорит он, – представляете Германию на марше, являетесь символом нашего будущего, прочным фундаментом, на котором будет покоиться судьба Третьего рейха Великой Германии. В основе тотальной реорганизации нации лежат глубоко укоренившиеся и мощные мотивы. вспомните, что Земля находится в состоянии вечной эволюции. На наших глазах происходят биологические и психологические метаморфозы в человеке. Они прямо влияют на еще не родившиеся поколения.

Шир делает паузу. Когда возобновляет речь, то чеканит каждое слово.

– Мы, немцы, не готовы подвергаться таким мутациям, подобно низшим животным, подобно бессловесному скоту. Наоборот, мы должны контролировать и определять такие перемены. Должны способствовать им. Мы должны достичь статуса самого совершенного человеческого существа – сверхчеловека! – опередив другие народы и расы, находящиеся в состоянии упадка или даже полной деградации.

Рейхсминистр медленно формулирует каждую фразу, в то время как лес погрузился в глубокую тишину.

– Достижение этой цели, – заключает он, – достижение победы, полной победы, которая вознаградит нас за жертвы, является императивом, противиться которому на нашем пути нельзя позволить никому и ничему. Одна из наших первоочередных целей состоит в достижении всеми силами ментальной и физической чистоты германского народа. Вы, молодежь, – будущая элита нашей расы. Важно, чтобы вы берегли ваши тела, вашу кровь, ваши мышцы, а ваши умы должны особенно тщательно избегать порочащих контактов! Так чтобы однажды вы смогли предложить себя своему Отечеству чистыми и незапятнанными. Задача наших воспитателей заключается в том, чтобы сделать вас правителями завтрашней Европы. Вы должны сохранять в сердце верность миссии, которую доверяет вам наш фюрер, – беспрекословно соблюдать дисциплину и выполнять приказы, какими бы они ни были. Хайль Гитлер!

Последовал громоподобный взрыв горячего энтузиазма, оглушающий и непрерывный.

Шир улыбается, помахивает рукой, затем поворачивается к группе официальных лиц, стоящих позади него. Словно повинуясь какому-то импульсу, он неожиданно сбегает по ступенькам с трибуны.

Хотя это не предусмотрено программой мероприятия, он направляется в нашу сторону и начинает инспектировать нас. Во время прохода между рядами у него для каждого находится ободряющее слово. Он расспрашивает гефольгшафтфюрера¹ о его спортивных успехах или дружески треплет щеку какого-нибудь парнишки, который становится от смущения пунцово-красным. Мы преисполнены гордости и счастья.

Час спустя начинается церемония посвящения новичков в члены гитлерюгенда.

По резкому свистку шесть шарфюреров (Scharführer) местной группы Зомстера выступают вперед и образуют полукруг у подножия трибуны.

Затем от фланговых формирований отделяются по шесть знаменосцев и движутся в направлении парней из группы Зомстера. Когда они становятся лицом к лицу, резкая команда приводит их в стойку «смирно».

Берлми, дирижер оркестра, подает знак.

Волнующая, величественная и раскатистая мелодия песни о Хорсте Весселе сопровождает медленное склонение знамен.

Посерьезневший Шир, глядя прямо перед собой, произносит соответственные слова клятвы.

Все шарфюреры, положив указательный и средний пальцы на древка знамен, повторяют за ним:

– Клянетесь ли вы в том, что, подобно своим предкам, рыцарям священной Германской империи, будете всегда помогать другим немцам, которые являются вашими братьями? Будете ли вы бесстрашно защищать женщин и детей? Готовы ли помогать другим в беде? Готовы ли целиком посвятить себя идеям немецкого дела?

– Клянемся!

Рев голосов заполняет просеку, несется ввысь среди темных сосен, заглушая птичий щебет и жужжание насекомых. Клятва хранить верность четыре года несется эхом от дерева к дереву, от долины к долине, постепенно затихая на берегах текущей вдали реки Хафель.

– Клянетесь ли вы в любых условиях и даже при угрозе смерти сохранять верность клятве, которую дали своим руководителям, стране и фюреру – канцлеру Адольфу Гитлеру?

– Клянемся!

Берлми снова поворачивается к оркестру.

Начинают играть трубы, саксофоны и флейты, бить барабаны. Они исполняют волнующую песню *Deutsch mein Bruder* («Немец мой брат»), за которой следует мощная, торжественная мелодия *Deutschland über alles* («Германия превыше всего»).

Длинная трель свистка, и все закончено...

Шир снова салютует, подняв правую руку в приветствии. Он быстро спускается по ступенькам с трибуны и садится в «Опель-капитан». Почти одновременно машина трогается с места.

Толпа уже рассеялась. Она необычно молчалива.

Некоторое время мы не можем говорить, стараясь сохранить в памяти все, что происходило, подобно фотоизображению в объективе.

Лишь когда Ранке начинает орать как сумасшедший, мы покидаем ряды.

Мне кажется в этот момент, что Ранке совершил святотатство, что он разбил прекрасную и вечную мечту, мечту, которая вознесла нас под мелодии труб и звон литавр к вершинам славных подвигов, совершенных отцами и дедами на Марне (в 1914 и 1918 гг. – *Ред.*) и под Седаном. (В 1870 г., где капитулировала французская Шалонская армия Мак-Магона вместе

¹ Gefolgschaftführer – командир дружины. Относительно этого и других званий, принятых в нацистской молодежной организации и рядах СС, см. приложение. – *Примеч. ред.*

с императором Наполеоном III. – *Ред.*) Мечту, которая позволила нам увидеть собственными глазами героическую атаку «уланов смерти», несущихся на врага с пиками наперевес.

Стиснув зубы и сжав пальцами кинжал, я повторяю слова надписи, выгравированной на рукоятке:

– *Treue bis auf dem Tod* (Преданный до смерти).

Именно это первое значительное событие в моей взрослой жизни подсказывает мне мысль о ведении дневника.

Вначале я хотел написать в форзаце тетради прекрасным готическим шрифтом «Журнал записей молодого немца о своей эпохе». Поразмыслив, решил, что это слишком претенциозно. Поэтому отказался от какого-либо заголовка.

Большинство курсантов школы Шиллера вели подробные записи всех своих мыслей и поступков. До сих пор я считал это смехотворным занятием или, в лучшем случае, пустой тратой времени.

Но затем изменил свое мнение.

Возвратившись воскресным вечером домой из Хафельского леса, я рассказал отцу о своем намерении. Отец рассмеялся и явно счел меня глупым юнцом. Он ничего не понял и в своем возрасте вряд ли был способен повисить свои интеллектуальные способности...

Отец всегда был чем-то недоволен, сварлив и озлоблен. Возможно, потому, что с возрастом понял: в основном его жизнь не удалась.

Мой дед был почтальоном, и, поскольку имел четырех детей, отцу не было позволено завершить образование. У него было нелегкое детство с начальным образованием и чередой скучных малооплачиваемых работ. Жалкая карьера, тоскливая жизнь, гнусное существование.

Его беспокоила лишь одна мысль: кто завтра будет кондуктором на пассажирских поездах на железной дороге Киль – Берлин? Причем кондуктором в вагонах второго класса! Вот таким был мой отец. Поразительно, с каким трудом родители приходят к пониманию того, что их заурядное жизненное положение оказывает сильное влияние на поведение и мировоззрение их детей.

Таким образом, убогий образ жизни отца, естественно, способствовал формированию у меня многих комплексов. Какое ужасное унижение общаться с друзьями, происходящими из семей, которые по социальному статусу выше положения твоей семьи!

Карл фон Рекнер, Михаэль Стинсман, Мици Брюдле и другие...

– Но разве ты не придешь, Петер Нойман, в воскресенье к нам домой? Мы прекрасно проведем время!

Пошли они к черту! Почему я должен принимать их приглашения только для того, чтобы они продемонстрировали превосходство своего социального положения и роскошную обстановку у них дома?

К тому же тот, кого приглашают, должен возратить долг гостеприимства.

Но как я смогу пригласить на Хейлигенгассе, 37 Карла, Михаэля или Мици?

Моя мать, с вечно мокрыми руками, покрасневшими от стирки, принимая сына полковника, графа фон Рекнера, должна будет вытереть руки о фартук, прежде чем пригласить его в свою убогую кухню...

Я предвижу все это.

– Входите, дорогой! Я только уберу белье с плетеного кресла, и вы сможете сесть...

Лена, смешная девчонка!

Ей восемнадцать лет, на год больше, чем мне. Блондинка с узким лицом, с телом, отвечающим необходимым параметрам, и, помимо всех этих чудных качеств, обладающая таким обворожительно стервозным характером, какого я не встречал прежде.

Она, возможно, была равнодушна к томным и дерзким взглядам Карла, а также к тому забавному состоянию постоянной меланхолии, которое он на себя напускает.

Мой брат Клаус не может смотреть на него без надувания щек и разных шуток в адрес его жеманных манер.

Клаусу только десять лет, но, по слухам, ходящим в Виттенберге, он настоящая гроза всего района от Бранденбурга до Гольштейна. Менее года он был «пимпфе» (так звали подростков от десяти до четырнадцати лет, состоявших в Deutsches Jungvolk – организация «Немецкая молодежь». – *Ред.*). Тем не менее сейчас он уже достиг звания юнгшафтфюрера.

Не знаю, обязан ли он этим своим исключительным способностям к разрушению и дезорганизации, которые действительно феноменальны, или он реально обладает качествами лидера. Но факт остается фактом: его карьера поразительна.

Отец объяснял мне однажды, что офицеры обнаружили у брата свойство, необычное для ребенка его возраста. Он с поразительной легкостью мог определить любого еврея, который не носит желтой звезды.

Брат приказывал им являться в местное отделение гитлерюгенда, где принимались необходимые меры.

Отец отнюдь не был доволен, когда узнал обо всем этом.

Глава 2

НАШЕ ОБУЧЕНИЕ

Юлиус Штрайхер в центральной школе Виттенберге пребывал в крайней эйфории. Он полноценный немец и верный последователь фюрера.

К сожалению, Штрайхер вбил себе в голову перетряхнуть немецкую университетскую систему сверху донизу, возможно, из-за того, что когда-то сам был учителем.

С выхода декрета в прошлом январе эта работа не прерывалась.

Пятьдесят четыре часа лекций в неделю вместо прежних сорока. И сверх того восемь часов политологии, два из которых посвящены расовой теории.

В дополнение ко всему учебное заведение теперь курирует порядочный болван из Германии, присланный партией. Фактически он распоряжается школой Шиллера. Кажется, с тех пор как декрет вступил в силу, все дневные школы, педагогические институты и школы-интернаты поставлены под неусыпный контроль официального представителя нацистской партии.

Горе побежденным!

Этим утром Плетшнер, профессор политологии, был в неистовом состоянии. Если бы одно из этих пугал, врагов партии, Германии и Европы, о котором мы так много слышали, попало сегодня ему в руки, мне кажется, он, выражаясь его собственными словами, раздавил бы его железной пятой, выпустив из него нечистую кровь на благо всего человечества.

Старый папа Плетшнер начисто лишен слабостей. Иногда я думаю, не страдает ли он маниакальной агрессивностью.

Если только эти острые приступы ненависти не являются способами разрядки от супружеских неприятностей. И Бог свидетель, их у бедняги немало. Об этом знают Бог и многие парни Виттенберге. От шестнадцати до двадцати двух лет... Именно к этому нежному возрасту особенно чувствительна милая фрау Плетшнер.

Если же не принимать во внимание инъекций теоретического садизма, то его лекции в целом первоклассного уровня.

Вчера темой его лекции был эпизод борьбы партии против «Рот фронта» Тельмана. Должно быть, это была по меньшей мере двадцатая лекция на эту тему, но Плетшнер всякий раз подогревал наш интерес к ней.

Мы начали с разбора экономических трудностей Германии, которые возникли после смерти Штресемана (в августе-ноябре 1923 г. канцлер и министр иностранных дел, в 1923–1929 гг. – министр иностранных дел Германии. – *Ред.*) 3 октября 1929 года. В то время германская экономика медленно гибла под давлением международного капитализма и в результате жульничества так называемых «держав-победительниц», которые навязали ей диктат Версальского договора. За коммунистов голосовали 10 миллионов немцев.

«Рот фронт» делил влияние с немецкими националистами Дюстерберга и почтенным, но дряхлым маршалом фон Гинденбургом.

Размах нищеты ужасал.

Сменявшие друг друга правительства не могли найти средства от раковой опухоли, которая подтачивала жизненно важные органы рейха, или снадобье от геморроя, который обескровливал его.

За супом столовых для бедных выстраивались очереди из шести миллионов безработных. Инженер, выглядевший оборванцем, смиренно ожидал своей очереди между обанкротившимся промышленником и безработным рабочим-металлистом. Это было время, когда требовались влиятельные связи и солидный банковский счет, чтобы достать тонну угля.

Самого Тельмана устраивала череда конференций по вопросам заработной платы, сеющая социальные конфликты и провоцирующая забастовки. Таким образом, новые миллионы рабочих оказывались в отчаянном положении.

Именно в это время засияла звезда человека, которому предстояло стать фюрером Третьего рейха, звезда, отбрасывавшая луч надежды на сцену разрухи, которую представляла тогда разобщенная Германия в состоянии полного хаоса.

С 1919 по 1930 год численность последователей национал-социализма выросла со ста с небольшим человек до более восьми миллионов.

Осознавая свою миссию, Адольф Гитлер считал, что только он способен обеспечить истощенной Германии тот импульс возрождения, который придаст ей силу для преодоления нынешней катастрофы, для предотвращения банкротства и падения в пропасть, где ужасные щупальца международной плутократии готовились задушить ее.

При содействии миллионеров-патриотов Тиссена, Кирдорфа, Круппа и других (Шредера, Феглера и т. д. – *Ред.*), при поддержке всего населения (не всего, но большинства. – *Ред.*) фюрер пришел к власти.

Он никогда не забывал о том, что НСДАП была прежде всего партией немецких рабочих. В качестве последнего великодушного жеста он предложил коммунистам вступить в национальный фронт – единственное движение, позволяющее рейху выжить.

Но приказы из Москвы были неумолимы: продвижение партии национального освобождения должно было быть остановлено любой ценой.

Поэтому началась борьба против жестокого, мстительного и сильного врага, который не мог выносить победоносного рождения Третьего великого германского рейха.

Сама партия не могла простить этого мятежного акта предателей страны, людей, находившихся на содержании иностранных держав.

Она и не простила. Но фактом остается то, что именно красные в союзе с еврейскими реакционерами несут ответственность в первую очередь за беспощадные репрессии и бесчеловечное насилие в этой борьбе.

Хорст Вессель, мученик за наше дело, сказал перед гибелью 23 февраля 1930 года на баррикадах в Вединге (рабочий район на северо-западе Берлина):

– Нацисты! Если красный повредит вам глаз, ослепите его. Если он выбьет вам зуб, разорвите ему глотку. Если он ранит вас, убейте его.

Когда мы уходили с лекции, меня тронул за плечо Франц Хеттеншвиллер:

– Как ты думаешь, не пудрит ли старик Плетшнер нам мозги всей этой туфтой? Не знаю, заставляли ли его сгущать краски, но мне он кажется полным кретином.

Франц молча продолжил идти рядом со мной. Я чувствовал, что он хочет спросить меня о чем-то, а замечание о Плетшнере было сделано лишь для того, чтобы завязать разговор.

Франц Хеттеншвиллер – мой лучший друг. По чистому совпадению его отец, работающий на железной дороге, был переведен в Виттенберг в одно время с моим отцом. До этого мы оба жили в Гамбурге, и после этого большого города ганзейской столицы Виттенберге поразил нас своей серостью и скукой. Впрочем, нам было хорошо вдвоем, и смена места жительства показалась нам менее тягостной, когда мы оба поступили учиться в школу Шиллера.

Через некоторое время Франц решился высказать то, что хотел. Это давалось ему не без труда.

– Петер, – произнес он, – ты не думаешь, что фюрер хочет войны?

Я бросил на него удивленный взгляд.

– Франц, никто не может желать войны! Но ведь ты понимаешь не хуже меня, что иногда война необходима.

Он остановился и серьезно посмотрел на меня.

– Значит, ты считаешь, что она неизбежна? Я тоже так думаю. Ади (то есть Адольф Гитлер. – *Ред.*) хочет на самом деле одного – спровоцировать Францию и Англию, чтобы иметь железный повод для ведения войны. Но несомненно и другое: народ хочет мира и...

– О чем ты? – перебил его я, глядя на приятеля сверху вниз.

Франц сантиметров на пять меньше меня ростом, около ста семидесяти пяти сантиметров, против моих ста восьмидесяти. Казалось, он избегал моего взгляда.

Я пожал плечами.

– Могут подумать, что ты боишься, Франц! М-да... немного... удивительно, с учетом того, что ты гефол (гефольгшафтфюрер. – *Ред.*) в гитлерюгенде.

Мы двинулись дальше.

– По-моему, – продолжил я, – фюрер прекрасно понимает то, что делает. Кроме того, народ... – Я сделал неопределенный жест рукой. – Что такое народ? Это он, они, масса, но больше не «мы», Франц! Мы больше не являемся частью народа. Что может значить мнение других людей для нас! Их страхи или ложь.

В его глазах я заметил нечто похожее на удивление или недоверие. Он вымученно улыбнулся. Впрочем, это была забавная улыбка.

– Странный ты парень, Петер. В принципе, возможно, ты и прав. Я всегда стараюсь все анализировать, чтобы понять. – Немного подумав, он добавил: – Возможно также, что реальность в тысячу раз более неистова, более захватывающая, чем предполагаешь. Или ожидаешь.

Я схватил его за руку.

– Послушай, Франц. Даже если жизнь заполнена битвами и болью, а также бесконечной борьбой за идеал, это, по-моему, все же предпочтительнее скучного, убогого существования без всякой опасности.

Мы дошли до угла Бреннерштрассе и Ферндплац. У светофора мы снова остановились.

– Мне, во всяком случае, представляется именно так, Франц, – продолжил я, – Ницше первым учил нас тому, что человек очищается борьбой за идеал, которой следует отдать все силы и, если необходимо, жизнь.

Светофор переключился, и мы пересекли улицу.

– Бывало, мне не приходило в голову отделять себя от большинства людей, – говорил я далее. – Полагал, что борьба за идеалы – пустая болтовня. С тех пор я изменил свое мнение.

Франц криво усмехнулся:

– Из тебя выйдет великий адвокат, Петер! – После минутного молчания он добавил: – Я же просто болтаю. У меня меньше веры и уверенности в будущем, чем у тебя. – Он протянул мне руку. – Хорошо, что ты рядом, держишь меня в форме.

Я похлопал его по спине и сказал:

– Выкинь дурь из головы. Надеюсь, это не испортило твой аппетит.

Он дружески помахал рукой и направился на Перлебергштрассе.

Я тоже пошел домой.

После полудня у меня не было лекций. Когда Клаус в пять часов вернулся домой из школы, он стал приставать ко мне с просьбами помочь ему сделать домашнее задание.

Просматривая его учебники, я вновь заметил, как отличаются они от тех, по которым я занимался несколько лет назад. Перемены стали особенно заметными после того, как Штрайхер занял пост главы Института политологии в Берлинском университете.

Вот математическая задачка, выбранная навскидку:

«Самолет «Штука» (пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87». – *Ред.*) при взлете имеет бомбовую нагрузку в 120 бомб по 10 килограммов каждая. Самолет летит на Варшаву, центр международного еврейства, бомбить город. При взлете со всеми бомбами на борту и топливными баками, заполненными 1500 литрами горючего, самолет весит около 8 тонн. По

возвращении из рейда в нем остается 230 литров горючего. Каков вес самолета без полезной нагрузки?»

А вот другая задачка, которую мне пришлось решать для Клауса:

«Несправедливый Версальский договор, навязанный французами и англичанами, позволил международной плутократии присвоить германские колонии. Франция захватила часть Того. С учетом того, что немецкая часть Того, временно оккупированная французскими империалистами, составляет 57 тысяч квадратных километров с населением в 800 тысяч человек, определите количество жизненного пространства на одного жителя».

Я просмотрел, кроме того, несколько глав из его учебника по истории Европы (*Geschichte als national politische Erziehung* («История для национального политического образования») профессора Дитриха. Книга написана для молодежи и распределена по школам в 1937 году). Этот учебник постулирует:

«Французская революция имела своей главной целью истребление французских аристократов арийской крови. Ее развязали еврейско-средиземноморские элементы для захвата власти и порабощения народа. После подавления восстания в Вандее французы нордического происхождения, преследуемые из-за чистоты своей крови, бежали в Германию...

Затем радикальные левые силы завладели властью и установили режим террора, продолжавшийся несколько лет. Любой человек, который не поддерживал их дело, беспощадно гильотинировался...

Вслед за этим французский империалистический милитаризм выдвинул диктатором офицера итальянского происхождения Наполеона Бонапарта, который принял французское имя и стал Наполеоном Первым.

Наполеон являлся диктатором-варваром, одержимым одной целью: порабощением Европы, и прежде всего уничтожением Пруссии».

Особый интерес вызывает пассаж, посвященный войне 1914–1918 годов:

«В 1914 году Германия, ставшая промышленной державой первой величины, представляла смертельную угрозу международному еврейскому капитализму. Заводы Рура работали на полную мощь. Экономика процветала. Немцы, самый свободный народ мира, достигли высочайшего уровня жизни в Европе. Страна была самодостаточной и не нуждалась в иностранных товарах или сырье.

Все это явно вызывало зависть жадных плутократов Англии, Франции и Америки. Поскольку каждая из этих держав в одиночку была слишком слаба для открытой и честной борьбы, они решили объединиться, чтобы завоевать нас. Рейх, который нуждался в то время в таком лидере, как Адольф Гитлер, не смог противостоять засилью в нашем правительстве определенных предательских элементов. Германию предали.

Еврей Эрцбергер подписал позорное мирное соглашение, которое связало нас по рукам и ногам.

Через два с лишним года (в августе 1921 г. – *Ред.*) он заплатил за это грязное предательство жизнью в Шварцвальде. Патриоты казнили его.

Затем французы попытались уморить голодом население Рура и в нарушение соглашений, ими же подписанных, вновь оккупировали правый берег немецкого Рейна. Но героические шахтеры из Дортмунда, Эссена и Дуйсбурга показали французам, что они готовы пойти на смерть ради обеспечения жизнеспособности Германии.

Наш фюрер, который в то время начал крестовый поход за освобожденный, счастливый, демократический и очищенный от евреев рейх, поклялся отомстить французам и вернуть однажды территорию Эльзаса и Лотарингии, которую те захватили».

Учебники по географии тоже сильно отличались от тех, что были несколько лет назад.

Я нашел наиболее занимательной книгу Фрица Бреннеке и Пауля Гирлиха.

«Германская цивилизация, – прочитал я, – единственная чистокровная цивилизация, была создана две тысячи лет назад на северных территориях, называемых сейчас Швецией и Норвегией. Она, как масло по воде, медленно распространялась на Ютландию, острова Фюн, Зеландию и Лолланн.

В дальнейшем это арийское население разделилось на народы.

Некоторые из них утвердились на территории, которая составляет сейчас нашу страну. Другие двинулись морским путем на британские и ирландские острова. Третьи отправились на равнины Восточной и Западной Галлии, которая находилась тогда в состоянии дикости и была ими цивилизована.

В Средние века новые арийские народы нордического происхождения утвердились в Центральной и Южной Европе. А еще позднее другие немцы переместились на земли славян или в район Карпат, вытеснив оттуда потомков варварских племен, которые пришли с Востока.

Некоторые из этих народов нордического происхождения сохранили полную чистоту крови, другие совершили кровосмешение. Последнее произошло с потомками древних викингов, поселившихся на французской территории, называемой Нормандией.

Все эти территории, населенные сегодня меньшинствами германского происхождения, неизбежно должны постепенно объединиться для образования великой германской конфедерации, подобной созданной ранее императором Карлом Великим (712–814 гг., франкский король с 768 г., с 800 г. император. – *Ред.*).

Аналогичным образом в состав Германии должны быть интегрированы в предстоящие годы такие страны, как Швейцария, Люксембург, Фландрия, Валлония, Польша, Судетская область, Румыния, Венгрия, Словакия, страны Балтики и, прежде всего, Эльзас и Лотарингия. Ни один немец не вправе пребывать в благодушном состоянии, пока не будет выполнена миссия освобождения угнетенных братских народов. Придет день, когда наш фюрер подаст сигнал для начала борьбы. Горе тому, кто окажется на нашем пути».

Одна глава посвящалась русским.

«Россия, управляемая сейчас наиболее жестокими полицейскими террористическими методами из когда-либо известных, представляла бы большую опасность для Германии, если бы наш фюрер, Адольф Гитлер, не находился у власти. Русские все еще цивилизованы только наполовину. Азиатские орды, которые составляют почти три четверти советского населения, не достигли уровня жизни наших предков двухсотлетней давности.

Русские живут в постоянном страхе ареста или депортации.

Если бы СССР был достаточно силен, он бы напал на Германию и попытался уничтожить наше Отечество.

Вот почему рейху постоянно следует быть настороже, ибо только будущая мощь станет самой надежной гарантией нашей свободы. Немецкий народ не должен ни на одно мгновение упускать из виду тот факт, что большевизм означает грабежи, убийства и уничтожение».

Клаус закончил сочинение, которое должен был написать.

Я сунул учебники в его кожаный ранец и повернулся к нему.

– Послушай, Петер, – сказал Клаус, укоризненно помахивая пальцем, – я больше не буду допускать тебя к своим делам.

Он старался выглядеть значительным.

– Думаю, юнгешафтфюрер, – добавил он, – может иметь секреты даже от своего собственного брата! Разве я просматриваю твои книги и бумаги?

В ответ он получил пощечину.

Мгновение Клаус выглядел разъяренным, затем принялся смеяться, потирая щеку:

– Черт возьми! Кажется, ты вовремя усвоил новые методы воспитания фон Метцша.

Я подался вперед, заинтересовавшись.

– Что ты имеешь в виду? Кто тебе сказал о фон Метцш?

Он снова принял надменный вид, который я не переношу. Эта поза делала его похожим на павлина, распутившего хвост, который наблюдает за брачными танцами облезлых, линяющих уток.

– Führerprinzip (принцип лидерства), – объяснил он мне безапелляционным тоном. – Новый воспитательный метод, вводимый Штрайхером, нашим руководителем, чтобы мы, школьники, стали хорошими немцами и знали все о стране и об опасностях, которые ей угрожают.

Он посмотрел на меня снизу вверх.

– Две самые большие опасности – это коммунизм и евреи. В дальнейшем учителя и профессора уже не будут дряхлыми седыми бородачами, отставшими от времени. Это будут молодые специалисты из СС или, по крайней мере, члены партии.

Клаус искоса бросил на меня взгляд, желая убедиться, произвела ли на меня впечатление его новая роль многообещающего эксперта по политическому воспитанию.

– Все учителя будут иметь звания, как в армии. Время от времени они будут докладывать по инстанции о наших успехах в учебе и расовых достижениях.

– Что ты имеешь в виду под «расовыми достижениями»?

– Достижениями, достижениями! Ну, это количество евреев, которых мы разоблачим в школе или на улице. Боже мой, чему тебя учили?

Я позволил ему продолжать, потому что хотел получить от него больше информации.

– О чем это я? Ах да, дело касается наших учителей... В прошлый понедельник новый директор школы вызвал нас всех и объяснил, почему фюрер решил уволить всех неблагонадежных. Большинство из них – это бывшие коммунисты или лица с примесью еврейской крови. Существовала угроза того, что они могли испортить нас порочными методами воспитания.

Он заговорил вдруг унылым тоном:

– Некоторые нам нравятся. С теми же, кто не нравятся или кто не члены партии, мы всегда начеку. Юнгбанфюрер рекомендовал нам присматриваться к ним и делать пометки о каких-нибудь странностях в их поведении. Нам нужно сообщать обо всем, что они делают и с кем говорят, следить за тем, куда они ходят.

Он скривил губы и раздраженно хмыкнул. Затем вздохнул:

– Это работенка! Весь этот материал следует сдавать «фенляйну», который передаст его «штамму». Тот, в свою очередь, вручит его «гебиту», и далее материал пойдет к «обергебиту». Что касается того, как поступит с ним «обергебит», то это нас заботит меньше всего. Но больше всего раздражает то, что это часто ведет к неприятностям. Достается всегда именно тому парню, который первым сообщит. Поэтому в действительности, когда учитель ведет себя сомнительно, мы обычно не очень спешим докладывать об этом.

Я несколько опешил.

Но мне очень хотелось узнать, что ему говорили о фон Метцше, недавно назначенном декане университета.

– Кто такой этот Метцш?

Клаус ответил пренебрежительным тоном:

– Ты и вправду ничего не знаешь! Генерал-лейтенант Хорст фон Метцш был назначен Юлиусом Штрайхером на высший командный пост в германском преподавательском корпусе. Наша образовательная система должна строиться по образцу иерархической военной системы СС. Также будут введены телесные наказания, но мы не особенно боимся этого. Черт возьми! Сделай маленький промах – и они зададут тебе трепку!

Он сделал короткую паузу. Но, не желая, видимо, упустить столь благоприятный шанс продемонстрировать свою полную подготовленность исполнять обязанности юнгешафтфюрера, Клаус продолжал:

– После назначения Метцша произошло еще одно изменение. У нас теперь два дополнительных часа в неделю для постижения расовой теории. С прошлого месяца вменено в обязанность вывешивать каждый понедельник на стенах школы свежий выпуск «Штюрмера».

Что такое «Штюрмер» («Штурмовик»), мне известно. Это еженедельная газета, издаваемая Штрайхером. Она затрагивает исключительно расовые проблемы, особенно еврейский вопрос.

Листая газетные страницы, сталкиваешься с карикатурами на евреев, выполненными в гротескном виде. Печатный текст призван раскрыть глаза общественности на «угрозу, исходящую от израэлитов». Газета снабжает читателя конфиденциальной информацией о контроле евреями промышленности и торговли, печатает списки недавно раскрытых тайных обществ и много других материалов подобного рода.

Имеются также новостные сюжеты на ту же тему. Регулярно публикуется очередной рассказ об изнасилованной евреем немецкой девушке, которая произвела на свет уродливого младенца. (Кроме того, регулярно печатались выдержки из «Протоколов сионских мудрецов», истории о ритуальных убийствах немецких детей евреями и т. п. – *Ред.*)

Я знаю о евреях практически все. Тем не менее нахожу подобные материалы довольно глупыми.

Мне известно также, что фюрер любит читать «Штюрмер» и что он с нетерпением ждет момента, когда ему положат на стол новый выпуск газеты, еще пахнувший типографской краской.

Увидев, что я погрузился в раздумья, Клаус вновь принялся за домашнее задание. Я заглянул через его плечо. Клаус писал:

Рейх во главе с великим фюрером
Без усталости совершает беспощадный крестовый поход.
Иди за нами, парень, ведь ты немец, и горд этим,
Бьют барабаны, развеваются знамена.

Мы оставляем за собой чисто выметенную дорогу,
Евреи на ней уничтожены, над ней голубое небо.
Но на горизонте остаются свинцовые облака,
Евреи снова поднимают головы, снесем их с плеч.

Молодежь Германии, покажи нам силу своих рук,
Смертоносный кинжал должен бить без страха.
Да здравствует борьба, отважный крестовый поход,
Слава нашим воинам, цепи разбиты.

(Juden Lebenschreibung («Еврейская биография») Густава Найделя)

Глава 3 ВОСПОМИНАНИЯ О БАВАРИИ

Лето 1938 года. В течение двух дней мы находились в Зоненвендлагер (летний лагерь гитлерюгенда) в Урфельде на берегах озера Вальхензе в местечке Гармиш в Баварских Альпах.

Мы собирались провести большую часть своих каникул в прекрасных заповедных природных условиях. Виттенберге казался теперь очень далеко. Очутившись лицом к лицу с горами, вершины которых покрыты вечными снегами, ощущаешь себя в совершенно необыкновенном мире и новой обстановке. Природный ландшафт, кажется, дышит свободой и чистотой. Все выглядит просто и легко. Здешняя жизнь разительно отличается от атмосферы преследований, тревоги и депрессивного состояния в Бранденбурге.

Или, может, это просто мой искаженный взгляд на мир? Ведь у меня остались неприятные воспоминания о последних днях пребывания в Виттенберге.

Меня утомила вся эта зубрежка, которой я должен был заниматься, чтобы получить аттестат, – теперь я бакалавр искусств. А то, что произошло потом дома, меня окончательно добило.

Несколько месяцев назад Лена познакомилась с молодым унтерштурмфюрером СС (шутцштафелем). С тех пор она не переставала говорить о его физических, эстетических и моральных качествах, утверждала, что он «похож на греческого бога» и все такое.

Вскоре она была уже совершенно от него без ума.

Однажды, месяца два назад, она вдруг решила представить свой образец совершенства отцу. И вот она приводит домой его, одетого в безукоризненную форму, и мы на Хейлигенгассе, 37 имели честь принять этого сердцеда.

Генрих Грисслинг, эсэсовец из «Лейбштандарт Адольф Гитлер»², чувствовал себя как дома. Улыбчивый и самоуверенный, он вошел с важным видом, поклонился маме, протянул руку отцу и снизошел удостоить кивком Клауса и меня. Он был высок, белокур, с массивным квадратным лицом, скупыми жестами и хриплым голосом. Ничто в нем не напоминало Дон Жуана.

Через несколько минут принужденного разговора или скорее одностороннего монолога, прерывавшегося длинными паузами неловкого молчания, Грисслинг, как говорится, подошел к главному. Без всяких околичностей он объяснил моему отцу, что располагал возможностью суммировать положительные и отрицательные качества Лены и что обнаружил в итоге превышение первых над вторыми. Поэтому он имеет честь просить ее руки.

Временной отрезок между приходом жениха в 16.30 вечера и брачным предложением в 16.50 едва ли оставлял отцу время составить какое-то определенное мнение по этому вопросу, чего он, видимо, желал.

Отец пытался объяснить это.

Однако Грисслинг отказал ему во времени для размышления. Генрих безапелляционно заявил, что они с Леной любят друг друга, что они молоды, свободны и здоровы и что нет оснований откладывать свадьбу. Казалось странным, что он взял на себя труд прийти в наш дом, вместо того чтобы увести с собой Лену сразу.

Он добавил также, что их союз будет весьма благополучным, поскольку соответствует этике супружеских отношений национал-социализма. Какое отношение имел к этому национал-социализм?

² «Лейбштандарт Адольф Гитлер» представлял собой личную гвардию фюрера. Он включал элиту нацистских штурмовиков, эсэсовцев, которые отличились в штурмовых отрядах СА или в ходе карательных операций. – *Примеч. ред.*

В заключение этой необычной беседы он заявил, что снова придет через три дня выслушать решение моего отца. Но заметил при этом, что они с Леной, если потребуется, могут обойтись без его одобрения.

Как только этот странный молодой человек удалился, мы все посмотрели друг на друга и на Лену.

Она, со злым выражением лица и издевкой, заговорила:

– На самом деле, если бы все мужчины были такими, как он, жизнь стала бы гораздо проще. – И, повернувшись к нам лицом, продолжила: – Фюреру не так трудно было бы строить новую Германию. Генрих знает, чего хочет. Я тоже! Я люблю его, и этого достаточно. Нет нужды в долгих обсуждениях и бесконечных встречах!

– Но ты хорошо его знаешь? – робко спросила мама. – Ты знаешь, кто этот мужчина, и может ли он сделать тебя счастливой? И эта его работа, чем он конкретно занимается?

– Его работа? – произнесла Лена холодно. – Его работа состоит в том, чтобы оберегать фюрера и великий нацистский рейх! Разве этого недостаточно?

Отец пробормотал что-то о том, что она глупая девчонка или того хуже – потаскуха. В заключение разговора он заявил, что наведет осторожно справки о Грисслинге, прежде чем предпринять что-нибудь.

К сожалению, эти справки дали не очень благоприятную информацию об унтерштурм-фюрере.

Отец выяснил, что тот фактически был пьяницей и бабником, без всяких моральных или религиозных принципов. Я только воспроизвожу его слова, но было кое-что более серьезное.

Грисслинг стал офицером в результате обстоятельств, о которых стоит рассказать.

Два года назад, в 1936 году, он был всего лишь обершарфюрером, служившим в Алленштайне (Алленштейне), в Восточной Пруссии.

В то время в Алленштайне (современный г. Олыптын в Польше. – *Ред.*) проживало много польских евреев. После беспорядков в июне 1936 года в Пруссии и Силезии – беспорядков, спровоцированных еврейским меньшинством, которое обвиняло профсоюзы НСДАП в увольнении евреев, – были приняты весьма жесткие дисциплинарные меры.

Ночью с 28 на 29 июля начался погром. Всех еврейских торговцев выбросили из их лавок, которые затем были разграблены и сожжены. Эсэсовцы с пальцами на спусковых крючках автоматов стреляли по всем, кто пытался бежать. Они врываются в дома ортодоксальных евреев, заставляли их спускаться по лестницам со вторых этажей, подталкивая прикладами.

В ту ночь рвение Генриха Грисслинга в погромах удостоилось особой похвалы начальства.

Он специализировался на детях.

Не упустил ни одного из них. Под предлогом предупреждения попыток детей сбежать – реальных или надуманных, ему лучше знать – он расстреливал их длинными очередями из пулемета, из которого стрелял по еврейским домам.

По окончании операции значительная часть почитателей Талмуда оказалась в еврейском раю. Оставшихся в живых отправили в концентрационный лагерь в Шнайдемюле.

На следующий день Грисслинга повысили в звании до гауптшарфюрера, а месяцем позже – до унтерштурмфюрера.

После долгих размышлений я не знал, что и думать о такой форме дисциплинарной операции.

Альфред Розенберг показал в своей книге «Миф XX века», что евреи причинили Германии и всей Европе большой вред.

Фюрер был в мире первым, кто принялся за силовое противостояние еврейской угрозе.

Я убежден, что для обеспечения нашего будущего важно устранить евреев из определенных профессий и предотвратить их влияние на жизненно важные для страны проблемы.

Но я не мог понять пользу или ценность упомянутых дисциплинарных операций и казней.

Впрочем, фюрер, который показывал снова и снова, что его трудно обмануть, несомненно, имел веские причины для санкций на такие операции.

Где-то я читал, что режим для укрепления своей силы и мощи не должен ставить себе целью чисто абстрактный идеал, но должен преследовать конкретные цели, воздействуя на наиболее уязвимые элементы и уничтожая их.

Это мобилизует сторонников режима и дает выход их ненависти.

Если дело обстоит именно так, то евреи идеально подходят для этой цели.

Все это, однако, меня мало интересует.

Возвращаясь к Генриху Грисслингу и моему отцу, я считаю излишним говорить, что папа Нойман не испытал особого энтузиазма, когда узнал, что его будущий – о боже! – зять вовсе не невинный, чистый юноша, которого он желал своей дочери.

Отцу рассказал о Генрихе младший офицер из казарм Людендорфа. Этот достойный служака добавил, что, по его мнению, унтерштурмфюрер Грисслинг настоящий герой, которого ждет блестящее будущее...

Но вы бы слышали папу, когда он пришел домой в тот вечер! Увидев Лену, он двинулся на нее со страшным криком:

– Никогда, слышишь, никогда я не отдам свою дочь этому убийце!

Лена побледнела и резко вскочила, опрокинув стул, на котором сидела.

– Генрих – убийца?

– Он подлый преступник, вот кто он! Омерзительный убийца! Он заслужил жестокостью ужасную репутацию после еврейского дела в Алленштайне... Кирнсте рассказал мне об этом все. И ты хочешь, чтобы я позволил брак с этим садистом, который находит удовольствие в кровавой бойне детей! Тебе нравится померанцевая свадьба, полагаю... Почему бы не пригласить братьев и сестер убитых детей, чтобы они несли шлейф твоего свадебного платья? А потом лежать с ним всю ночь в постели, когда он сможет сообщить тебе все подробности! Он расскажет, кого убивал весь день?

– Замолчи, отец, или я заставлю тебя замолчать! – огрызнулась Лена.

Папа смотрел на нее недоверчивым, непонимающим взглядом. Он с трудом выдавливал из себя слова:

– Моя собственная дочь не лучше всякой дряни! Моя дочь. Мои дети мерзки! Это больше не люди!

Помню, я встал, стиснув зубы. Есть вещи, с которыми нельзя мириться, даже если они исходят от собственного отца.

Но прежде чем я смог что-нибудь сказать, он дал Лене увесистую пощечину.

Со стороны сестры не было никакой реакции. Она промолчала. Схватила свое пальто и вышла из дому, хлопнув дверью.

Я сказал отцу, что он поступил неправильно. Он окинул меня безумным взглядом, словно не понимая, затем рухнул на край стола, всхлипывая.

Думаю, я презирал бы его меньше, если бы не его глупая вспышка буржуазной сентиментальности.

Через час Лена вернулась в сопровождении Генриха.

Унтерштурмфюрер вошел, ни с кем не поздоровавшись. Он был в ярости, его лицо искажено необычным образом: нижняя челюсть выдвинулась вперед, словно он хотел убить кого-то. Без единого слова он пересек комнату, взял стул и сел. Его взгляд, окинув комнату, остановился на отце.

– Дела неважны, герр Нойман, – сказал он. – Ваша дочь только что призналась мне, что вы плохой немец. Вы глубоко оскорбили меня и нашего фюрера. Это неблагоприятно и опасно. Особенно когда исходит от человека, подобного вам.

Прежде чем продолжить, он задержал взгляд на Лене.

– Ваша дочь, к счастью, хорошая гражданка. Ей нелегко было сообщить мне то, что весьма заинтересовало бы мое начальство на Потсдаммерштрассе. – Он слегка улыбнулся. – Вы допустили небольшое упущение, когда заполняли свою анкету в этом году. Вы ведь реально участвовали в экстремистской деятельности в 1932 году. Были членом «Рот фронта», кажется?

Отец повернулся в сторону Лены и пристально посмотрел на нее, словно видел в первый раз. Затем его лицо приняло суровое выражение.

– Будем говорить по существу, – пробормотал он. – Что вам нужно?

– Ничего, герр Нойман. Совсем ничего, – ответил Грисслинг. – Только я не вполне уверен в том, какие последствия может иметь дознание гестапо, если, конечно...

Отец прервал его:

– Никогда, слышите? Пока я жив, вы не получите Лену. Даже если это грозит мне смертью.

Генрих мгновенно встал. Выражение его лица не сулило теперь ничего хорошего.

– Правильно, это означает вашу смерть, герр Нойман, вы умрете. Помяните мое слово.

Он молча вышел из комнаты, уведя за собой Лену.

Отец ничего не сказал. Опустив плечи, он отправился в свою комнату.

В ужасе мама запричитала:

– Быть преданным собственной дочерью! Боже мой, невероятно!

Через несколько минут она тоже ушла, поднявшись вверх по лестнице.

Лично я был крайне удивлен. Я совершенно не знал, что мой отец когда-то участвовал в экстремистской деятельности. Лена, должно быть, узнала об этом из конфиденциальных разговоров с мамой.

Я не мог представить отца сражающимся на баррикадах! В свете его убогой мелочной жизни железнодорожного служащего это, видимо, был бунт, неосознанный рефлекторный протест против бесцельного и бессмысленного существования. Красные нашли отца в удобное время, накололи его, как и многих других, словно глупых бабочек, на свою большую схему анархистской борьбы с целью разрушения Германии.

Глупцы, чего они надеялись добиться!

В то время в рейхе царили полный хаос и дезорганизация. Коричневорубашечники, или СА, представляли собой единственный элемент стабильности, на который мы, немцы, могли опереться. Что касается красных, то они свое отжили.

Беспорядок, несправедливость, нищета, распад личности и всей страны, ложь и коррупция... Вот что они принесли нам.

В 1923 году немцы были вполне готовы довериться режиму, который теперь, когда война закончилась, даст им отнюдь не счастье – надеяться на это было нереально, – но просто гарантии мира и безопасности на будущее.

Вместо этого люди, которые не толковали ни о чем другом, кроме как о равенстве, которые буквально задыхались от своих безрассудных воплей и лозунгов о братстве и социализме, не думали ни о чем другом, кроме как набить свои карманы за счет общества, – как они поступали тогда, когда находились во власти в Баварии.

Народные массы были угнетены, унижены и презираемы еще более, чем при Гогенцоллернах.

Каждый здравомыслящий немец понимает, что евреи и коммунисты могли принести Германии только разрушение и упадок, а также неизбежную гибель нашего немецкого наследия.

Возможно, только дегенераты, обработанные идиотской пропагандой, могли счесть наше открытое выражение преданности фюреру как нечто противоречащее здравому смыслу. Фюрер вернул нам веру в великую Германию и лучшее будущее. Только глупцы могут удивляться нашей любви и доверию, нашей решимости следовать за фюрером и помогать ему быстрее переворачивать страницы нашей истории так, чтобы иметь возможность увидеть результаты при жизни нашего поколения...

Нет, я решительно не мог поверить, что мой отец был прав.

Он, видимо, ошибался. Но в некоторых, очень важных, вопросах ошибаться нельзя. Отец должен понести справедливое наказание за свою глупость и ошибки. Порой бывает трудно судить таким образом о людях, которые дали вам жизнь в этом мире, но я считаю, что при всех жизненных обстоятельствах триумф национал-социализма имеет решающее значение. Вполне логично поэтому, что все должно подчиняться его законам.

Через три дня отца арестовало гестапо (сокращение от *Geheime Staatspolizei* – государственная тайная полиция). Еще через месяц Генрих и Лена поженились. В соответствии с формальной процедурой мы получили копию официального уведомления об аресте отца, которая содержала краткий перечень главных обвинений против него:

«Начальник полиции и начальник службы безопасности Виттенберге. 24 апреля 1938 г. Потсдаммерштрассе, 29.

В юридический и дисциплинарный административный отдел.

В связи с обвинением, выдвинутым унтерштурмфюрером СС Генрихом Грисслингом на основании свидетельств фрейлейн Лены Нойман, проведено тщательное расследование антинациональной деятельности и фальсифицирования официальных бланков деклараций со стороны Фридриха Ноймана, кондуктора вагонов второго класса железнодорожной компании «Мекленбург-Гольштейн».

Расследование убедительно показало, что Фридрих Нойман в период между 1930 и 1932 гг. постоянно принимал участие в коммунистической и экстремистской деятельности.

Как было доказано в дальнейшем, обвиняемый в это время поддерживал переписку с неопознанными корреспондентами, проживающими на польской территории.

Проведены предварительные процедуры.

В ведомство генерального прокурора рейха, в народный суд Берлина 20 апреля 1938 г. направлено обвинение Фридриха Ноймана в государственной измене, предательстве страны и содействии врагу.

Обвиняемый взят под арест со строгим режимом.

Подпись: *Отто Ойген Марш*, штурмбаннфюрер СС.

Гестапо – отделение Виттенберге».

Я пробыл в Урфельде всего шесть дней, но полагаю, что восстановил моральное равновесие. Рад констатировать, что неприятные события в Виттенберге начинают забываться.

Массовые физические упражнения, игры и маневры оставляли мало времени для мрачного настроения и бесполезных переживаний.

Вчера в ходе кратковременной церемонии, происходившей в просеке леса Оберау, меня произвели в гефолгшафтфюреры.

Разумеется, мне пришлось выдерживать действие всякого рода напитков. Карл, Михаэль и я выпили так много пльзеньского пива, что к вечеру выглядели не очень презентабельно. Однако нам удалось вернуться в лагерь без происшествий и незамеченными.

Рекнер начинает нравиться мне все больше. Он выглядит здесь более простым и естественным, чем в Виттенберге. Свой снобизм он оставил в Бранденбурге. По мере того как я узнаю его ближе, он кажется более человечным.

Микаэль более сдержан. Никогда не знаешь определенно, что происходит в его голове, о чем именно он думает. Он застенчив и склонен к уединению, но подвержен внезапным проявлениям буйного темперамента. У него умерла мать. Несколько месяцев назад он признался мне, что она была еврейкой и совершила самоубийство во время больших погромов 1933 года. Он взял с меня клятву никому не говорить о его происхождении. Временами мне кажется, что бремя происхождения давит на него так сильно, что заставляет подсознательно поделиться с кем-нибудь своей тайной.

Франц все еще остается моим лучшим другом. Старина Франц вечно колеблется, постоянно удивляется тому, что видит и слышит, бесконечно задает невпопад вопросы. Он по-собачьи преданно и пылко глядит на всех тех, кому доверяет.

Ему недостает волевых качеств, но он незаменимый друг. Мне кажется, что он использует всю отвагу, которая у него имеется, чтобы защитить меня, уберечь от опасности, и даже пожертвует ради меня жизнью, если возникнет необходимость.

Лагерь расположен прямо на берегу озера Вальхензе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.